

агенты, обладающие одновременно социальной и технической компетенцией, заключающейся, главным образом, в социально признанной способности интерпретировать... свод текстов, закрепляющих легитимное, т.е. правильное, видение мира» [6. С. 78], – полагает П. Бурдые. Отказ от этой борьбы или поражение в ней приводят к утрате учредительной власти и политических позиций. Задача современного общества и государства состоит в том, чтобы, по возможности, приблизиться к правовому идеалу, тогда как цель юридической науки – осмыслить феномен учредительной власти как власти, преобразующей политическую ситуацию в правовую, во всех его проявлениях.

Примечания

1. Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты. М.: Юристъ, 2002.
2. Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
3. Государственное право Германии. Т. 1. М.: ИГП РАН, 1994.
4. Чиркин В. Е. Конституция: Российская модель. М.: Юристъ, 2002.
5. Ллойд Д. Идея права. М.: ЮГОНА, 2002.
6. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

В. А. Токарев

к. ю. н.

*г. Самара, Самарская государственная областная академия
(Наяновой)*

О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Тот факт, что история права и государства, как отрасль правоведения, возникает в европейских университетах в XVII в. [1. С. 24], обособляясь от всеобщей истории, изменяющей свой повествовательный характер, требует необходимых разъяснений. Мы вправе спросить, что происходит на начальном этапе эпохи модерна, легитимирующем проблематику исторического подхода к пониманию права. Ответ, лежащий на поверхности, вероятно, состоит в том, что с этого момента история призвана осуществлять некую значимую

функцию в юридико-политическом дискурсе, не соответствующую античной и средневековой традиции. По мнению М. Фуко, «традиционная функция истории, начиная с первых римских аналитиков и позднее, вплоть до средневековья и, может быть, до XVII века и еще позже, состояла в том, чтобы говорить о праве власти и усиливать ее славу» [2. С. 82]. История была необходима политической элите, т.к. играла двойную роль, юридически прикрепляя людей к непрерывающейся власти через посредство исторической преемственности и поддерживая ее авторитет с помощью избранных образцов величия и славы. «История, так же как ритуалы, святыни, церемонии, легенды, является оператором, интенсификатором власти», – заключает М. Фуко [2. С. 82].

Формы истории, известные античному и средневековому обществу, отвечали юридическому (принуждение, обязательство, закон, оправданные исторической непрерывностью) и психологическому (ослепление величием и одновременное сковывание воли субъекта) содержанию феномена власти. До эпохи модерна история носила повествовательный характер, однако «связь между историей, создававшейся в средние века, и историей, существовавшей в римском обществе, была еще глубже, поскольку исторический рассказ римлян, как и история в средние века, имел определенную политическую функцию, он служил именно ритуалом укрепления суверенной власти» [2. С. 84].

Что же все-таки меняет направление исторического дискурса в конце XVI – начале XVII столетия? Согласно М. Фуко, заявляющая о себе контристория, которая ставит под сомнение историю суверенитета и представление о единстве такой истории, обеспечивавшиеся непрерывностью власти. «Отныне в новом типе дискурса и исторической практики власть больше не является связующим началом единства города, нации, государства», – полагает М. Фуко [2. С. 85]. Напротив, исторический дискурс зарождающегося модерна выступает как история борьбы различных социальных групп за власть, предоставляющая исследователю две точки зрения – победителей и побежденных – в одинаковой степени имеющие право на существование. Теперь белое может быть названо черным и наоборот не по причине отсутствия четких ориентиров, а в силу того, что для одних оно действительно является белым, тогда как для других оно действительно будет черным. Историку простится

выбранная им конкретная позиция в споре, но что ему точно поставят в вину, так это его уклонение от выбора.

Тем не менее, новый исторический дискурс остается политическим даже несмотря на тот ущерб, который он причиняет юридической и психологической составляющим феномена власти. Выбор, которого ожидают от историка, несет на себе отпечаток его политических пристрастий и по своей природе является политическим выбором. Приступая к анализу интерпретаций Французской Революции, Ф. Фюре недвусмысленно заявляет о том, что ее историк «обязан объявить о своей политической принадлежности, о своих мыслях и намерениях. То, что он пишет о Революции, имеет лишь предварительное значение, главное заключено в его оценке...» [3. С. 11]. Выражение оценки решает две задачи: указывает на позицию, занимаемую историком политических и правовых институтов, и оправдывает существование его понимания истории. Как только объявлено о политической принадлежности историка, в дело вступает собственно научный дискурс, и субъективность обнаруживает себя в выборе фактов и способов их интерпретации. Иными словами, не единая для всех и непрерывная история легитимирует преемственность суверенной власти, как это было до XVII в., но выбор той или иной истории зависит от политических предпочтений историка. Эту мысль можно выразить более радикально. «"История" на протяжении веков означала, прежде всего, политическую историю, – констатирует Л. Штраус. – Соответственно, то, что называется «открытием» истории, совершила не философия вообще, но политическая философия» [4. С. 38].

Однако поставленный нами вопрос так и остается без ответа. Понятно, почему исторический дискурс от непрерывного повествования о победах и поражениях высших социальных слоев, отождествление с которыми остальных участников событий предполагалось само собой разумеющимся, переходит к совершенно иному типу, допускающему альтернативные истории. Но при этом не ясно, как образуется историческое измерение права, добивающееся своей автономии вслед за освобождением политической истории от сковывавшей ее традиции истории-повествования. Оставаясь исключительно на исторической почве, мы попадаем под обаяние догматизма, скрывающегося за отсылками к «опыту истории» и игнорирующего специфичность и автономию политико-правового поля [5. С. 35]. В то же время, придерживаясь точки зрения на социальную

историю, согласно которой последняя представляет собой лишь политическую историю, мы выносим за скобки право, хотя и связанное с политикой, но не смешиваемое с ней. Между тем достаточно снова обратиться к размышлениям историков о субъективности их выбора, понимаемого ими в качестве выбора политического, чтобы поставить под сомнение тотальность его политической природы. С одной стороны, «политическое» можно понимать как различие, что и делает К. Шмитт, анализируя «специфически политическое различие» как «различие друга и врага» [6. С. 35-67]. Тогда, конечно, контрстория, работающая на различие победителей и побежденных, угнетателей и угнетенных, должна быть признана политической историей. С другой стороны, политический выбор историка не удовлетворяет полностью ожидания его субъективности и является политическим, скорее, по своей форме, чем по содержанию. Поэтому Ф. Фюре делает важное уточнение: «Но если всякая история предполагает некий выбор, некое заведомое предпочтение, из этого отнюдь не следует необходимость вынесения какого-то определенного мнения о предмете исследования. Подобное положение возникает лишь в том случае, когда затронута конкретная политическая или религиозная самоидентификация читателя или критика, начавшая оформляться в далеком прошлом» [3. С. 11].

Когда в историческое измерение права входит субъективность историка, в научный дискурс возвращается историческая непрерывность, однако на этот раз не имеющая ничего общего с историей-повествованием и не играющая так откровенно на поле суверенной власти. Из множества фактов историк выбирает значимые для идеи права события, связывая их между собой и так формируя историческую непрерывность. Путем вопрошания и привнесения необходимых для интерпретации схем, история права преобразуется в осмысленное целое, в историческое измерение права, далекое от «сказки, рассказанной идиотом».

Субъективность историка права проявляется также в процессе работы его воображения, в те моменты, когда он переносится в другое настоящее как тип исторической объективности. Изучаемая эпоха принимается историком права за настоящее, у которого, в свою очередь, есть прошлое и будущее, состоящие из усвоенного опыта, ожиданий, предвидений, опасений людей этой эпохи, а не из того, что мы знаем об их прошлом, или из того, что, по нашему мнению,

наступило. Это гипотетическое настоящее является тем центром исторических перспектив, приближая который историк права в то же время сохраняет по отношению к нему историческую дистанцию. Она вступает в игру в контексте диалектики того же самого и иного [7. С. 107-131], когда ученый сталкивается с трудностями наименования уже не существующих институтов для их идентификации. Такие термины, как «государство» или «тирания» становятся объектами борьбы за наименование, в которой историк права сталкивается с многозначностью языка истории. Поэтому «умение приближать к нам историческое прошлое, все время сохраняя историческую дистанцию, или, скорее, внедряя в ум читателя представление об удаленности, о временной глубинности, является редкостным даром» [8. С. 43]. Коммуникация не состоится, если историк права не освоит в должной мере своего ремесла или пренебрежет субъективной рефлексией читателя.

Анализируя политические и правовые институты, историк должен держать в поле своего зрения тот факт, что прошлое институтов – это прошлое людей, на временную дистанцию накладывающее проблему интегрального прошлого. От исследователя требуется не простое перенесение в другое настоящее, а его симпатия к Другому, которая обуславливает интеллектуальное приближение, коммуникацию (право-)сознаний, сферу диалога, разграниченную на области отдельных следов и документов. Через интегральное понимание политической истории люди воспроизводят свою принадлежность общему социальному опыту, до конца не исчерпанному в прошлом.

Таким образом, три ожидания (объективности политической истории, субъективности историка, субъективной рефлексии его читателя) пересекаются, образуя историческое измерение права. В его границах формируется субъект истории права, осуществляется интерпретация опыта решения конфликтов на почве права, происходит осмысление идеи права. Не отказываясь от собственных оснований, история права, взятая в единстве ее объективного и субъективного аспектов, открывается философии права через историю философии права [9. С. 30-33] и философию истории права [10. С. 102-109].

Осмысление политической истории обусловлено ожиданиями от нее соответствующей ей объективности. «Объективность должна браться здесь в строго эпистемологическом смысле: объективно то,

что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено мышлением, то, что, в конечном счете, оно делает понятным», – пишет П. Рикер [8. С. 35]. Следует различать объективность истории и объективность естественных наук, находящие свое выражение в их методологии. «Но если мы не в состоянии, по самой природе наших научных средств и методов, раз и навсегда постигнуть весь ход исторической жизни, то трудности, встречаемые наукой на этом пути, значительно уменьшаются, если мы выделим и подвергнем исследованию определенные стороны человеческого общения», – констатирует Г. Еллинек [11. С. 65]. В этом замечании обнаруживает себя еще одно ожидание, сопровождающее познание политической истории – ожидание от историка определенной субъективности. Она может стать, в свою очередь, предметом оценки, поскольку «хорошая» субъективность историка соответствует объективности истории, тогда как его «плохая» субъективность уводит в сторону от исторической объективности. Кроме того, сопоставление политической истории с другими дисциплинами позволяет сделать вывод о том, что она в большей мере «нацелена на сравнение ценностей правового общения в разных культурах», причем такое сравнение «имеет одновременно познавательное и практическое значение» [1. С. 1]. Коммуникативная функция политической истории указывает на особый тип субъективности, теперь уже не историка, которая опосредует восприятие читателем объективности социальной истории, а самого читателя, заинтересованного в истории.

Примечания

1. *Графский В. Г.* Всеобщая история права и государства. М.: Норма, 2005.
2. *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005.
3. *Фюре Ф.* Постигание Французской Революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.
4. *Штраус Л.* Естественное право и история. М.: Водолей Publishers, 2007.
5. *Goyard-Fabre S.* Les principes philosophiques du droit politique moderne. Paris : PUF, 1997.
6. *Шмидт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1.
7. *Декомб В.* Современная французская философия. М.: Весь Мир, 2000.

8. *Рикер П.* История и истина. СПб.: Алетейя, 2002.
9. *Шершеневич Г. Ф.* История философии права. СПб.: Лань, 2001.
10. *Радбрух Г.* Философия права. М.: Международные отношения, 2004.
11. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

М. А. Томюк
УрГУ им. А. М. Горького

ПОНЯТИЕ «ПРАВОСУДИЕ» В ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НОРБЕРТО БОББИО

Норберто Боббио (1909–2004) – выдающийся современный итальянский философ, правовед, политолог, внесший большой вклад в развитие ряда общественных наук. Им исследованы классические учения политической философии, история политических идей, взаимосвязь политики и морали, взаимосвязь политики и права, права человека и мир и др. Н. Боббио был членом национальной Академии наук в Турине и Британской академии, пожизненным сенатором Итальянской Республики. Философско-политические взгляды Н. Боббио интересны и уникальны.

Основные положения концепции правосудия Н. Боббио изложены в его работе «*Teoria generale della politica*» («Общая теория политики», впервые изданная в 1999). В данной статье нами будут рассмотрено понятие «правосудие», данное Норберто Боббио.

В главе V «Политические ценности», параграф III «О понятии правосудия», философ говорит о необходимости обращения к учениям Аристотеля, Локка, Канта, Гегеля, Лейбница о праве, считая, что чтение классиков полезно, хотя бы уже потому, что в их трудах глубоко и всесторонне проанализировано понятие правосудия. Н. Боббио, опираясь на учения классиков, рассматривает в связи и взаимной интеграции четыре основных понятия – правосудие, закон, порядок, равенство. Н. Боббио считает, что, исследуя правосудие, уместно двигаться в анализе трех основных пар, в которых одним из двух терминов является правосудие – правосудие-закон, правосудие-равенство, правосудие-порядок. Затем он предлагает рассмотреть три другие пары понятий, где «правосудие» не является ни одним из двух терминов – закон-равенство, равенство-порядок, порядок-закон.